

Трасса гудела так, словно в уши разом влетели десятки шмелей.

Был март — начало сезона Гран-при Формулы-1. В Мельбурне (Австралия), где начиналась осень, восемьдесят тысяч зрителей взрывались криками и аплодисментами каждый раз, когда двадцать гоночных машин проносились мимо. От мужчин, не отрывавших взгляда от экранов трансляций, до семей, державших на руках пятилетних детей — трибуны были забиты до отказа: здесь смешались фанаты и туристы со всего мира.

Трасса Альберт-Парк. Кольцо из шестнадцати поворотов и сверхскоростной прямой считалось настоящей Меккой автоспорта: 5,303 километра чистого адреналина и место старта сезона Гран-при, которого с нетерпением ждали все поклонники Формулы-1.

Обычно этот прибрежный парк дарил городу тепло и спокойствие, где трамваи скользили между высотками, но в эти дни он превращался в арену, переполненную страстью и азартом.

Когда на глазах у публики разворачивались эффектные обгоны и действующий чемпион прошлого года стремительно приближался к победе, рев трибун, смешанный с ветром, становился всё громче.

[Переходим в третий сектор, Эш Тейлор выходит вперёд! Он демонстрирует силу мягких шин!]

[Эш Тейлор легко обходит Onyx Featherway и поднимается на седьмое место. Начинается атака Mercedes!]

Однако в высотном здании неподалёку от основных трибун, в VIP-зоне, стоял мужчина, застывший словно громоотвод. Казалось, он находился в совершенно другом мире — холодном и отстранённом.

На переносице у него небрежно сидели красновато-коричневые солнцезащитные очки, а плотно сжатые губы выдавали напряжение. Полупрозрачные линзы едва скрывали дискомфорт в глазах, в которых дрожало отражение, похожее на море, поглотившее закат. И всё же этого было недостаточно, чтобы скрыть его яркую внешность: лицо, словно высеченное из античной статуи, и мягкие светлые волосы неизбежно притягивали взгляд.

Внимание толпы тем временем переключилось на действующего чемпиона мира, который начал свой обгон.

Сколько мастерства сможет показать пилот, развернувшийся уже в первом повороте после старта гонки? Сохранит ли он форму прошлого года, чтобы удержать первое место и в этом сезоне? Станет ли он, как подобает чемпиону, обгонять соперников и вернет себе лидерство?

Большинство присутствующих ждали гонку, достойную цены их дорогих билетов. Будет ли это неожиданный победитель или чемпион исправит свою ошибку и вернётся на вершину — всё это само по себе разжигало ожидание. Толпа наблюдала за гонкой, надеясь на зрелищный исход.

Однако внимание мужчины было полностью сосредоточено на другом.

[Onyx Featherway откатывается на восьмое место! Прямо за ним Икеда из Honda—Makoto Racing идёт в плотной атаке. Дэниел Линдберг входит в пятый сектор, его зажимают!]

[Дэниел Линдберг! Ему тяжело! И теперь — борьба колесо в колесо! Они так близко, что могут соприкоснуться! Это лёгкий контакт?]

[Дэниел не отступает ни на миллиметр! Вот это боевой дух, достойный открытия сезона!]

Команда Onyx Featherway. Болид с чёрными боковыми панелями был стремителен, как ворона, которая, насмехаясь над гиеной и копаясь в ещё тёплом теле, спокойно улетает прочь.

Но каким бы быстрым он ни был, разрыв с лидером оставался неизменным.

Дистанция, которую было невозможно сократить, становилась всё больше.

[Featherway борется до конца, но этого недостаточно! Следующая точка торможения — и скорость в повороте заметно упала! Возможно, повреждения после недавнего контакта сказываются на машине!]

[Дэниел откатывается на 11-е место!]

[AlphaTauri и Rookies один за другим обходят Дэниела. Какая досада. Похоже, хорошего результата от команды Onyx Featherway в этом году снова ждать не приходится?]

[Прошло 36 кругов, начинается 37-й — гонка приближается к середине!]

37-й круг из 71.

В точке, где была пройдена лишь половина дистанции, исход уже казался предreshённым. Если первый пилот, ключевая фигура команды, оказался в таком положении, результаты остальных можно было предсказать, даже не глядя.

На губах мужчины, пришедшего к этому выводу, появилась холодная, кривая усмешка.

В мире, где ценят только лидеров, машина, выпавшая из десятки, — не более чем массовка для чемпиона.

Onyx Featherway был этой массовой. Хуже того — глупыми исполнителями, которые сжигают миллиарды, чтобы играть роль в пьесе, поставленной ради победителя.

И, к сожалению, этим мужчиной, Алеком Уокером, сегодня стал спонсор команды, который просто швыряет пачки денег в этих глупых исполнителей, желая, чтобы они проиграли.

— Поехали.

— Вторая половина гонки ещё впереди. Вы уверены, что не хотите смотреть дальше?

— Пустая трата времени.

Даже если бы гонка началась заново, Onyx Featherway не добрался бы даже до третьего места, не говоря уже о первом.

Он уже не раз участвовал в сомнительных и дорогостоящих проектах, но впервые оказался настолько публично унижен — и, что ещё хуже, потерял на это своё время. Такого он терпеть не мог.

Алек, покинув VIP-зону вместе с секретарём, задержал взгляд на пит-боксе за сетчатым ограждением, где готовили машину к смене шин.

— Сколько людей, ты сказал, работает в Featherway?

— Двести восемьдесят один человек. Без учёта контрактного персонала — двести тринадцать.

— Много.

Алек был менеджером и человеком, принимающим решения. Он дышал расчётами прибыли и убытков, выискивая и искореняя неэффективность. Неделю назад его брат, вернувшийся после завершения сделки по слиянию авиакомпаний, с улыбкой передал ему спортивную команду.

Седьмое место из десяти команд в общем зачёте. И при этом — команда Формулы-1, ежегодно пожирающая бюджет в 183 миллиона долларов.

Это был апофеоз расточительности. Настолько неэффективный проект, что на его фоне даже программа обеспечения питьевой водой в Африке выглядела бы разумнее. Слишком абсурдно, чтобы быть шуткой, и слишком дорого, чтобы быть игрушкой.

Однако вместо того чтобы озвучивать претензии, Алек решил действовать в рамках своей роли. Какими бы ни были истинные намерения того, кто передал ему этот актив, он должен был просто двигаться по инерции.

В этот раз всё сводилось к привычному: смотреть на стрелку весов и корректировать — сокращать штат или добавлять технологии. Убирать риск и повышать эффективность всегда было просто. Поэтому решение Алека тоже было быстрым.

[Неудачная борьба Дэниела Линдберга продолжается!]

— Сначала я уволю этого отвратительного пилота.

Мужчина, для которого радость и восторг были чем-то далёким, холодно смотрел на гоночную машину, несущуюся по трассе.

Гонка открытия сезона в марте. Стандартный пит-стоп за 2,5 секунды. Первый пилот команды Онух Featherway, Дэниел Линдберг, стартовавший с 11-й позиции и прорвавшийся до 7-й, продолжал бороться, снова и снова, но в итоге, как всегда, получил жалкий результат — 14-е место.

Этого было достаточно, чтобы уведомить его о расторжении контракта.

□

Светло-каштановые волосы, слипшиеся прядями, как переваренная лапша, выбивались из-под гоночного комбинезона. Красновато-коричневые глаза, потерявшие фокус после лёгкого головокружения и всплеска адреналина, постепенно приходили в себя.

Чёртов порпоизинг.

Март — относительно честное время начала нового сезона. После первой гонки у каждой команды, от первой до последней, появляется гора домашней работы. Инженеры ночами изучают телеметрию, механики разбирают машины.

И даже при том, что к болиду прилагаются десятки людей, обращающихся с ним почти как с новорождённым жеребёнком, неудачи — естественная часть Формулы-1 и автоспорта.

Дэниел снял шлем, выбравшись из кокпита, где температура поднялась до 51 градуса Цельсия.

Машина всегда была проблемой. И в этом году — особенно. Если не устранить дефекты, ему придётся думать о реабилитации ещё до того, как он закончит хотя бы одну гонку.

Стоило ему сделать шаг, как в спину ударила резкая боль, и Дэниел невольно стиснул зубы.

— Ты в порядке, Дэниел?

— Нет. Такое чувство, будто меня два часа трясли, как мячик для пинг-понга.

Лицо руководителя команды Адама, который подбежал запыхавшись, побледнело.

Спина, болевшая всю гонку, буквально кричала от нагрузки: машина, созданная на пределе прижимной силы, трясла кокпит, словно пружину.

Только осушив целую бутылку воды, которую ему сунули, Дэниел добавил ещё одну фразу — будто делая одолжение:

— Но по мощности всё неплохо. Думаю, если решить проблемы с порпойзингом и избыточной поворачиваемостью, можно будет работать.

— Уже хорошо, что ты так говоришь.

— Есть план?

— Работаем над ним. Нужно выложиться по максимуму. Сезон только начался.

— Где Марсель?

Вместо ответа Адам с мрачным видом посмотрел в сторону гаража.

— Наверное, злится, а как же ещё.

Это не было чем-то удивительным.

Все счастливые пилоты счастливы по одним и тем же причинам, но каждый несчастный — по-своему.

Первая фраза великого русского писателя из его романа была настолько гениальной, что стоило заменить всего одно слово — и она безупречно описывала реальность.

Напарник Дэниела и второй пилот, Марсель Диас, в этот момент был самым несчастным гонщиком в мире.

Тот факт, что давление в шинах упало уже в первой гонке сезона, что он потерял время из-за ошибки на пит-стопе, что в результате занял лишь шестнадцатое место и что ему пришлось давать интервью перед камерами именно тогда, когда хотелось просто исчезнуть от стыда, — всё это давало достаточно причин считать себя несчастным пилотом.

— Нет скорости, нет скорости!

И поэтому то, что он злился, было совершенно понятно.

Но первая гонка только закончилась — что он вообще собирался делать, разрушая атмосферу в команде уже сейчас?

Палящий зной и ярость, пронзающая небо. Если крики, эхом раздающиеся вокруг, — это условия ада, то данное место было воплощением этого ада на земле.

<http://bllate.org/book/17841/1705979>